

Министерство образования Республики Беларусь

Белорусский государственный
педагогический университет имени
Максима Танка

Актуальные проблемы исследования языка и речи

Материалы международной научной
конференции
молодых ученых

3—5 ноября 1998 г.

В трех частях

Часть вторая

Минск 1998

мгновенности жизни (моргание - миг, мгновение). "Торг" также предполагает случайность и обмен (жизни и смерти).

Ср. еще случаи пересечения Л и Р в поле СМЕРТИ, смерть/мертвый и молитва: *А бачите, что у меня умерла невеста. - Он строго потупил глаза, точно во время молитвы, и сделался мрачным* (559); *путь рождение-смерть лучшая молитва* (555). О представлении жизни/смерть по текстам Хлебникова будет сказано позже, сейчас же можно отметить, что неопределенность границы между ними предугадывается возможностью замены, игры между звуками жизни и звуками смерти, и анаграмм - один из видов такой игры.

Молитва, в полном соответствии с традицией, может быть и защитой, заклятием от смерти: *Ветра с морем нелады/Доедут нас до беды./<...> Будь он проклят, ветер-ворог -/От тебя молитва иль.* (129-130).

Прежде чем перейти к дальнейшим рассуждениям, можно и необходимо сделать некоторые выводы:

1. Ядро ЛСП СМЕРТЬ - звуковой комплекс М-Р-М-Р-Т.
2. Значительная часть текстов Хлебникова, относящаяся к топике СМЕРТЬ, описывается концептуальной метафорой М-Р/М-Р-Т - СМЕРТЬ, что (1) находится в полном соответствии с теорией семантики, (2) находится в полном соответствии с теорией ЛСП СМЕРТЬ, (3) вводит в состав ЛСП СМЕРТЬ слова, которые, если исходить только из их словарного значения, причислены к этому ЛСП быть не могут.
3. Один из важнейших организующих топик СМЕРТЬ прием в анаграмме, включающая смысловую антонимию звуков.
4. Одно из наиболее часто возникающих в топике СМЕРТЬ слов, которые могут быть отнесены к ядру ЛСП СМЕРТЬ на основании содержания в нем "ядерного" звукового комплекса, - *море*. Часть текстов, связанных с топиками СМЕРТЬ, описывается концептуальной метафорой СМЕРТЬ-МОРЕ.

1. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Слыняские языковые моделирующие системы. (Древний период). М.: Наука, 1965.
3. Кожевникова Н. А. 1. Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1990.
4. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986.
5. Топоров В. Н. О "поэтическом" комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс, Культура, 1995.
6. Хлебников В. Утея из будущего. Эписта. 1989.

Л. А. Прохорчик (Минск)

КОННОТАЦИЯ ПРОСТОРЕЧНЫХ СЛОВ

У проблемы коннотации длинная и противоречивая история: более или менее известные авторы указывают на различные теории коннотации, более распространенными из которых являются: семиотическая (Ельмслев, Ульман,

Барт и др.), стилистическая (Азнаурова, Долинин, Шендельс), психологическая (А. А. Леонтьев, Портер и др.), философская (Алстон и др.), логическая (Огден, Ричардс), семантическая (Арнольд, Стернин, Телия, Шаховский).

Термин "коннотация" ввел в лингвистику К. О. Эрדманн. Под коннотацией принято понимать все "добавки" к предметно-логическому (когнитивному) "ядру" лексического значения, в первую очередь "добавки" оценочного и эмоционально-экспрессивного характера (6). Дальнейшее изучение лексической семантики показало, что в эмоционально-экспрессивном, стилистическом и ассоциативном "ореоле" слова (метафора Эрдманна) могут быть вычленены различной силы "лучи" и что "источник свечения" заложен не столько в индивидуально-субъективном, сколько, в социальном.

В настоящее время в лингвистике выделены с достаточной четкостью группы лексической коннотации, существование которых обусловлено различными причинами: ситуативно-психологическими - коннотация ироничности, эфемистичности, мелиоративности, пейоративности, усиления; социально-лингвистическими - коннотация жаргонистичности, разговорности, просторечности, книжности; собственно языковыми - коннотация новизны, иноязычности, архаичности, терминологичности; локальными - коннотация диалектности; культурными - коннотация идеологичности и культуры (1). Слово может потенциально заключать все названные виды коннотации.

Если представить место коннотации по отношению к нейтральной литературной лексике, то по одну сторону расположатся "положительные" коннотации, которые составляют противопоставление снижению стилистическому стилю, а по другую - такие, которые составляют противопоставление литературному употреблению.

[Эв] - [Ид] - [Ар] - [Те] - [Ин] - [Но] -
[Ир] - [Ме] - [Кн] + _Нейт_ - [Ра] - [Пр] - [Пе] -
- [Ди] - [Жа]

В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основной оценочной квалификации и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. В художественных текстах коннотация представляет собой дополнительный эмоциональный элемент в значении не только слова, но и высказывания, ведущий к созданию образов, которые несут культурный и эстетический смысл.

Коннотация просторечных слов объединяет разнообразную палитру сопутствующих значений и их оттенков. В просторечном слове отражается не только понятие о предмете или явлении, но и отношение человека к тому, что обозначено этим словом. Характер этого отношения различен, поэтому и

сказали? [Фамусов:] Сказал бы я, во-первых: *не близи*. Именем, брат, не управляй олошию, А, главное, *поди-тка послужи*! (Грибоедов, Горе от ума).

Коннотация неодобрения, пренебрежения выливается в контексте. Просторечные слова могут получать добавочную коннотацию эксплицитного (явно выраженного) свойства. Данная коннотация может возникнуть в процессе речевого воздействия с помощью конструирования соответствующего микроконтекста, когда основное слово употребляется с определенным лексико-семантическим атрибутом. *“Толстобрюхий доктор смугл, борода и неповоротлив. При малейшем движении на нем трещит китель и на лице выступает пот”* (Чехов, Аптекарьша), *“Эх, жалко, зеркала нет, посмотрел бы на свою мордोलизацию”* (Чехов, Счастливчик). Приемом создания мощной эксплицитной коннотации является синонимизация, суть которой состоит в плотном скоплении в тексте оценочных номинаций, нечетко различающихся между собой по значению. Возьмем, например, синонимический ряд *лицо - рожа - харя - рыло - физиомордия*. Все его элементы обладают общим денотатом: передняя часть головы человека. Соответственно денотативный компонент и набор сем, образующий его, полностью совпадают. В значении слова *лицо* коннотативные оттенки почти отсутствуют. А в остальных элементах приведенного выше синонимического ряда представлено восприятие разных коннотативных оттенков. Так, *рожа* - отталкивающее, грубое лицо крупных размеров, *харя* - очень неприятное лицо, сходное с мордами животных. Например, в рассказе А. П. Чехова “Зиночка”: *“Саша смеется, бормочет что-то несвязное и с неуклюжестью очень влюбленного человека кладет обе свои ладони на Зиночку физиомордию”*. “По моей роже плавала победоносная улыбка”, ... мое ухмыляющееся *рыло* не могло не осквернить ее первой, чистенькой и эстетической любви”.

Следует отметить широкие возможности появления у просторечных единиц коннотативного компонента на основе их вторичной номинации. При метафорическом переносе обозначения одного денотата на другой на основе одного или нескольких признаков признаков приобретенная коннотативная окраска распределяется за периферии значения слова, а не в его денотате. Например, *“Дома хлещет (родку) целый день и глушит. Пьет, и ни в одном глазе... у себя в кабинете и икает”* (Чехов, Шило в мешке), *“Чему вы смеетесь? - А вот режут ин-зем-и, по-русски не умеет пикнуть”* (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву). Наиболее типично метафорический перенос проявляется в глаголах, обозначающих в своих основных значениях действия животных, в переносных - действия человека. В таком смысловом употреблении собственно парадигматическое значение слова сохраняется, но изменяется функциональная область его употребления и резко сокращаются валентностные потенции глагола. Экспрессивность метафоры, основанная на

коннотативные значения по своей природе весьма разнородны: экспрессивные, оценочные, эмоциональные и др.

Значительная часть просторечных лексем с “коннотативным ореолом” создается на уровне аффиксального словообразования. Аффиксы воплощают двойное отношение человека к миру: рациональное и эмоциональное. Актуализация содержания служебного аффикса происходит в сочетании с корневым аффиксом, который в силу этого выступает как бы в качестве минимального контекста для служебной морфемы.

Служебная морфема может оказывать воздействие как на само значение корневой морфемы - и производить новый денотат, так и на значение - и производить новый коннотат, а также осуществлять то и другое одновременно. Коннотативное усиление наступает, тогда, когда морфема не оказывает “физического” воздействия на денотат, оставаясь на уровне эмоций говорящего, как это происходит с приставкой *г-л-* в слове *побродяга* (ср. бродяга). Денотативно эти слова равноценны. [Фамусов:] *Герем же побродяга, и в дом, и по билетам, чтоб наших дочерей всему учишь, всему*” (Грибоедов, Горе от ума). Рассмотрим теперь приставки *рас-*, *пре-*, *при-* глагольных, имеющие значение высшей степени качества. В результате сочетания этих приставок с основой имени прилагательного происходят качественные изменения денотата: *“А вот если бы... случилось что-нибудь злоб-инное, этакое, знаешь, зашибательное, что-нибудь мерзейшее, распр-епи-ди-х”* (Чехов, Два газетчика).

Коннотативная картина просторечного слова может быть очень пестрой, поскольку допускает сочетание самых разнообразных коннотаций. Например, если лексемы выражают понятия с оттенками важности, солидности, серьезности, торжественности, даже возвышенности и т.п., то уменьшительные суффиксы противоречат значениям этих слов и снижают их. В результате такие суффиксы приобретают ироническую окраску. Чем больше смысловой значительности заключено в корне слова, тем больше иронии и насмешки в уменьшительной форме: *“... Стой! - крикнул укоризненно. Какой Чиновиичек при ней”* (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо). Семантика этих лексем нейтральная, а оформление осуществлено средствами низкого стиля. Имеет место и обратное явление, когда просторечные по содержанию лексемы оформляются книжными словообразовательными средствами: *“Одно к тебе лишь доброхотство Мне их открыть велит. Когда Поэзия не сумасбродство...”* (Державин, Видение мурзы).

Коннотативный компонент значения слова выражает определенную оценку со стороны говорящего по отношению к называемому предмету или явлению. Имплицированная коннотация - скрытая, не явно выраженная присутствует в значении слова несмотря на отсутствие формальных признаков этого значения. Например, *“[Чацкий:] Пусть я посватаюсь, вы чтобы мне*

ассоциативности и образности, представляет собой информацию об эмоциональном отношении говорящего к называемому действию.

При метонимическом переносе релевантным является замена одного понятия на другое, относящееся к иной смысловой области, на основе пространственных, временных, материальных, логических связей. Такие лексические единицы приобретают дополнительный стилистический компонент, дополнительную образность и бывают более предпочтительны в процессе коммуникации. К такому метонимическому переносу можно отнести, например, перенос обозначений животного мира на человека: "Кутейкин! (ударив по плечу) *Филин* проклятый! *Что ты буркала-то похлываешь?*" (Фонвизин, Недоросль), "*Он родной осел, все же превосходительство, а не брат*" (Чехов, Петров день), "*Знаешь, дядя, хит ты и старик, но ты большая скотина!*" (Чехов, Без места). Данные слова чаще всего употреблены в основном значении обозначают какое-либо животное, обладающее какими-либо качествами, а в переносном - человека по отношению к отрицательному качеству.

Специфика просторечия состоит в том, что в нем в гораздо большей степени главенствующую роль играет психологический фактор, позволяющий говорящему в условиях речевой раскованности эмоционально "самовыразиться". В стремлении найти наиболее адекватное вербальное отражение своих эмоций говорящий может выходить за рамки стандартной лексики как недостаточно экспрессивной.

Просторечная лексика со значением коннотации активно употребляется писателями с целью более полного раскрытия художественных образов и характеров: она - одно из самых важных средств выражения эмоциональных оценок и характеристик литературных героев. Наиболее часто и широко употребляется лексика со значением узальной коннотации, т. е. она выступает в качестве "готового" языкового материала.

Лексика со значением коннотации, благодаря эмоционально-смысловой наполненности, способна вызывать определенные ассоциации и представления, выполняет разнообразие функций: образную, оценочную, характеристическую, эмоциональную, экспрессивную, функцию речевой характеристики, средства создания комического, иронического и др.

Коннотация вносит в нейтральную литературную речь стилистическую пестроту, а в сознание говорящих - приятное оживление. В этом суть коннотативных слов и коннотации как языкового и психологического явления, в этом ее эстетическая ценность. Понимание коннотации - это творческое усилие, требующее индивидуально эстетического вкуса и эстетической подготовки.

1. Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации.

Дис. канд. филол. наук. М., 1977.

2. Говердовский В. И. История понятия коннотации. - НДВШ, ФН, 1979, № 2. С. 83 - 86.

3. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

4. Павлюк Н. А. Лексическое значение: содержание, компоненты, типы. Вильнюс, 1988.

5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

6. Erdmann K. O. Die Bedeutung des Wortes. - Leipzig, 1922.

Е. П. Жиганова (Минск)

РИТУАЛЬНО - МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ В СТИХОТВОРНОМ ЦИКЛЕ А. БЛОКА "СНЕЖНАЯ МАСКА"

Данное исследование базируется на анализе ритуально-мифологического компонента коннотационной семантики лирики А. Блока, а предметом исследования является мифологема Вечной Женственности, которая, как мы предполагаем, представляет собой ключ к разгадке символизма А. Блока. Мы исходим из того, что любой творческий акт является повторением космогонии. Поэтому в любом художественном произведении объективно присутствуют элементы ритуально-мифологической семантики. У А. Блока ритуально-мифологическая семантика находится на имплицитном уровне текста, актуализируется она с помощью эксплицитно - выраженных структурных компонентов, в первую очередь, с помощью символов, которые представляют собой определенный законченный текст. На возникновение подобных коннотаций влияет также развитие сюжета по сценарию инициации; наличие карнавальных инверсий в структуре текста.

Основываясь на анализе стихотворного цикла А. Блока "Снежная маска", мы приходим к выводу, что в нем воспроизводится ритуальное действо, в частности, - инициация (от lat. *initium* - начало). Этот обряд представляет собой посвященный ритуал, знаменующий переход в новое качество, он всегда связан с приобщением к святыням, другими словами, с обретением мудрости. Такое понимание обряда посвящения характерно для верующих, но в современном мире он сохранился на уровне социального как переход человека из одной группы в другую. Данный момент очень важен, т. к. такое посвящение не предполагает переходов в иные миры (имеется в виду оппозиция сакральный-профанный), является лишь восхождением или нисхождением внутри своего мира. Конечной целью инициантов является священный брак (ieroгамия), в данном случае имеется в виду союз человека и божества (первобытно- Неба и Земли), ибо именно брак как конечная цель любви является символом преодоления двойственности, объединения мужского и женского начал.

Стихотворный цикл "Снежная маска" состоит из двух частей, каждая из которых изображает обряд инициации, причем, один и тот же, отличающийся лишь локально-темпоральными характеристиками. В каждой части мы выделяем три этапа инициации:

- выход иницируемого за рамки социума;